

ВЫ ЗАМЕТИЛИ, очевидно, что на художественных вернисажах, в концертном зале, книжной лавке, на сцене театра и в кино вас необычайно притягивают, завораживают произведения, содержание которых предстает перед нами как бы в пестрых национальных одеждах и пронизано общечеловеческими, гуманистическими идеями. Четкая и поэтическая манера графики литовца Красаускаса; емкая и многокрасочная, как русские народные песни, музыка Щедрина; эпические полотна, уходящие корнями в киргизский фольклор, прозы Айтматова; особого белорусского склада ироничность пьес Макаёнка; яркие, будто сошедшие с картин Пироманишвили, грузинские характеры фильмов Чхеидзе...

Все это лишь кусочки мозаики гигантской многоцветной и прекрасной фрески. Разные по возрасту, творческим почеркам, жизненному опыту, эти и другие выдающиеся мастера великой армии художников советского искусства создают произведения национальные по форме, социалистические по содержанию и главному направлению, интернационалистские по духу и характеру. Они, как ручейки, берущие начало в родных горах, степях, лесах, начинают свой бег на просторах советской Родины, чтобы слиться в едином, могучем потоке.

Мне проще быть вашим проводником в знакомой области искусства. Поэтому беседа сегодня пойдет о нашем многонациональном кинематографе.

Образ Родины сливается с прекрасным образом матери. Она не только дала нам жизнь и вскормила молоком, мать научила первым словам, первым шагам, определила путь, по которому идти по жизни. Нежность и требовательность, любовь и жертвенность — черты, роднящие всех матерей. Эта тема, тема матери, близка и понятна художникам разных народов.

Вс. Пудовкин рассказал о Ниловне, простой русской женщине необычной судьбы.

Круговорот домашних дел. Убогость быта. Побои пьяного мужа, вымещающего на жене обиду за тупое, бесправное, беспросветное существование. Безропотное терпение, приниженность, рабская покорность Ниловны вызывают сочувствие. Но вдруг Пудовкин акцентирует внимание зрителя на одном из кадров — на взгляде женщины. И мы видим: сквозь покорность светятся человеческое достоинство, незатоптанная гордость, сознание собственной самооценки. Так возникает второй план личности.

Меня поразила точность одного наблюдения. Молдавский режиссер Э. Лотяну пишет в статье

«Глазами дружбы и братства» («Искусство кино» № 9, 1972 г.): «Молдавская женщина выходила на работу в длинной юбке, край которой был широко отогнут, а под ним виднелась белоснежная длинная сорочка. Ее ткань обозначала каждый шаг... это делалось ради красоты шага женщины, его поэзии, пластики».

Лучшие фильмы нашего кинематографа как раз и устремлены к поиску прекрасного, поэтического в быту, укладе, мышлении, движении и поступках.

Только грузин мог так неповторимо жестиковать, останавливая танк, давящий виноград-

минают филигранную джигитовку, которой славились киргизские наездники.

Даже построение кадров, их наполненность диктуются особенностями национального искусства. Если у русских, украинских мастеров кинематографа ощущается тяга к массовым сценам, многолюдным кадрам со вторым, третьим и т. д. планами действия (и это естественно, потому что многочисленны народы эти), то среднеазиатские, прибалтийские студии создают картины по преимуществу с ограниченным кругом действующих лиц. Но хочу отметить, что эта тенденция в последних работах уступает место

ИСКУССТВО ЖИЗНЕННОЙ ПРАВДЫ

СЕГОДНЯШНЮЮ беседу ведет народный артист Азербайджанской ССР кинорежиссер Аждар Муталимович ИБРАГИМОВ.

ник, как это сделал замечательный актер С. Закариадзе в роли крестьянина в картине Р. Чхеидзе «Отец солдата».

— Он живой! Понимаешь?! Живой! — кричит старик. И видишь, почти физически ощущаешь невыносимую боль виноградаря за раздавленные лозы.

Своими стариковскими руками, жилистыми, но еще сильными, он валит на землю фашиста, как свалил бы у себя в саду гнилое, неплодоносящее дерево.

Совершенно другое пластическое решение мы наблюдаем в киргизской ленте «Первый учитель». Герой фильма рубит в финале тополь — единственную зелень на бесплодной, выжженной пальцами солнцем каменной земле. Рубит для того, чтобы построить школу. А нам видится лихая сабельная атака. И движения учителя напо-

грандиозным массовкам, которые необходимы для показа событий революции, войны, строительства новой жизни.

Активную роль в фильмах играет родная природа — степи, леса, горы.

В литовской ленте В. Жалаквичуса «Никто не хотел умирать» мир как бы ограничен кромкой глухого бора. Но это не только «география», не только природные особенности расположения литовских хуторов. Лес символизирует сложность человеческих взаимоотношений.

А вспомните похожий на заброшенное кладбище строй черных, утонувших в половодье деревьев «Иванова детства» А. Тарковского или устремленные в небо прекрасные, поистине выкованные из серебра березы в фильме «Летят журавли» М. Калатозова...

Эти примеры подтверждают мысль о том, что национальная форма произведений лишь тогда является самоценностью лучших черт народного творчества, когда эта форма оплодотворена подлинным художником к деталям, фактам, характерам, событиям с позиций социалистического реализма. Только художник, вооруженный диалектическим методом исследования действительности и марксистско-ленинским мировоззрением, в состоянии отличить зерна от плевел.

Яркие узбекские халаты и расшитые бисером головные уборы горянок дополняют, придают своеобразие современному облику Узбекистана и Закавказья. Белоснежные мазанки подчеркивают неповторимость сегодняшнего украинского пейзажа, где вырастают многоэтажные дома из стекла и бетона. Киргизские скакуны в изукрашенной сбруе легко «вписались» в широкие автотрассы, по которым мчатся сверкающие лаком и никелем автомобили. Но, повторяю, эти внешние приметы той или иной нации — лишь «одежда», в которой появляются перед нами национальные характеры. Лучшее в национальной культуре с ее гуманистическими традициями сохраняется и приумножается нашей сегодняшней советской действительностью.

Приобщение к общенациональным богатствам культуры, искусства, науки дала народам Советского государства мудрая ленинская национальная политика, провозгласившая равенство и братство всех наций и национальностей.

И не случайно поэтому художники всех направлений социалистического реализма стремятся углубленно исследовать человеческие характеры и конфликты в их национально-неповторимом проявлении, в их интернациональном звучании.

Мне в заключение хочется процитировать одно место из доклада товарища Л. И. Брежнев о 50-летию СССР, отмечавшемся народами нашей страны как радостный общий праздник: «Советским людям чужда и отвратительна кичливая мысль о превосходстве одних народов над другими — и тем более бредовые идеи национальной или расовой исключительности. Советские люди — интернационалисты».

Вот почему расцвет национальных кинематографий означает расцвет общенационального советского киноискусства. Реки сливаются в море, таланты, возвращенные на нашей земле, образуют прекрасный сад, где нашлось место всем плодородным деревьям.

24 МАЯ 1975

РЕДАКЦИЯ ПУШКИН
С. МОСКВА